

Посвящается моей семье и ученицам

Эту книгу придумала Алина. Моя ученица.
Мой ребенок.

Позвонила, сказала, смеясь:

— Есть идея, Ирина Александровна.

— Идея? Что за идея? — спросила я.

— Подарок хочу вам сделать. Самый лучший. На день рождения. Не на этот, на следующий.

— Ты придешь, вот и лучший подарок.

— Спасибо, — ответила Алина. — Спасибо, но нет. Буду у вас завтра и все объясню.

Алина Кабаева:

Вошла в зал и сразу услышала Ирину Александровну.

— Эй, тренеры! — произнесла она так громко, что замерли все четыре ковра. —

Посмотрите на эту Зайцеву, которую привезли! Она медленно, но верно худеет. Выходной не выходной, все время вес идет вниз. А у наших красавиц некоторых... Вот ты чего поправляешься? Тоже мне королева нашлась! Я помалкиваю, а она прибавляет каждый день. Чтоб в столовую не заходила! А ты? Квадрат! Думаешь, оставлю тебя такую? Нет! Бросок подработают девочки новые, и поменяю вас, коров здоровых!

Эхо, тишина и снова шум тренировки. Ирина Александровна направляется мне навстречу, видит идущую к выходу девочку, подзывает к себе и делает замечание в своей неповторимой манере, незабываемой и хорошо мне знакомой:

— Куда собралась?! Ни спасибо, ничего не сказала. Еще раз повторится, забуду, как тебя зовут. Надо всегда уходить с площадки и говорить спасибо! Хореографу — спасибо! Тренеру — спасибо! Уборщице — спасибо! Врачу — спасибо! Господу Богу — спасибо! Без конца спасибо надо говорить! Свободна!

Настает мой черед.

— И с какой же ты идеей? — Ирина Александровна обнимает и целует меня.

Я счастлива и знаю — нашей встречей счастлива и она. Перехожу к делу.

— Идея проста. Вы напишете о своем детстве, юности, поступках, любви и работе с нами — вашими детьми. Мы расскажем о вас. Вы огромная часть нашей жизни, мы — жизни вашей.

Получится книга. Книга, которая нужна людям. Детям, родителям, тренерам. Поверьте, Ирина Александровна, и, пожалуйста, соглашайтесь. Разумеется, рассказы тех, кто в составе сборной России на ковре никогда не выступал, но знает вас хорошо, в книгу мы тоже включим.

Диктофон стал моим спутником. Помощники расшифровывали речь, я читала, дополняла, уточняла.

1

Перед соревнованиями я забираю все телефоны и все компьютеры. Если Олимпийские игры — за три недели, чемпионат мира — за десять дней. Дети смиряются, и правильно. Знают, делается это для их же блага. Сначала шумели, а потом поняли, что так спокойнее. Спать ляжешь вовремя, выспишься, в зал придешь полная сил. Уговоры типа «сон для слабаков» на меня не действуют. Дисциплина — главное. Не соблюдать режим — преступление. Тот, кто преступление совершает, должен отвечать.

Я могу отстранить любую. Мне не трудно. Убираю даже самые первые номера. Объясняю и детям, и тренерам: «Вы мне кто? Сестры, подруги, знакомые? Я сама себе не сестра, не подруга, не знакомая. Сама себе я — никто. Я проводник. Мне идет информация Оттуда, я повторяю. Не слушаете меня, значит, Небесную канцелярию не слушаете. Будете получать травмы, болезни, неприятности. Канцелярия говорит мне, а я — каждой из вас: “Ты получила

программу? Выполняешь? Не выполняешь, я тебе подскажу. И еще раз подскажу. И еще. А потом тебя накажут. Поломаешь ногу, руку, шею. Будешь сидеть и смотреть по телевизору, как выступают другие там, где ты сама могла выступать». Мне говорят: «Вы — ворона, Ирина Александровна, вы накаркаете». А я не каркаю, я информацию передаю.

Дети не любят тех, кто заискивает перед ними, гладит по головке: «Ты моя кошечка, ты моя умница», а результата нет. Презируют таких тренеров, уходят от них. Я никогда не сюсюкаю. В ложке меда утопить легче, чем в бочке дегтя. Все время напоминаю: «Бояться надо не тех, кто ругает, а тех, кто хвалит. Нужно подумать, заслужил ты это или нет». Я незаслуженно никогда не похвалю. Никогда на плохое не скажу хорошее. И на хорошее не скажу плохое. Дети быстро распознают ложь и фальшь и прекрасно разбираются, кто есть кто. Могут не подать вида, но доверять перестанут. А залог успеха в том, что ребенок должен тренеру верить.

Я не говорю «гимнастки». Дети. Другого слова у меня нет. Они с детства рядом со мной и видят меня чаще, чем своих собственных родителей. Я лучше их чувствую, потому что провожу с ними больше времени и вникаю во все их жизненные проблемы. Я в ответе за них и считаю своими родными детьми.

Кто-то думает, что я их подавляю. Нет. Подчиняю порядку и правилам. Моя жесткость и мой диктат обуслов-

лены тем, что Бог дал каждой из них колоссальный талант. А талант надо отработать.

У них есть все: огромный состав специалистов, который за ними ухаживает, питание, зал. Такие условия создает для них страна. И они должны платить за это своими победами. «Как вы смеете не трудиться? — спрашиваю я. — Люди голодают, а вы здесь жируете, не тренируетесь так, как нужно. Подводите тренера, родителей, флаг! Государство за каждую из вас платит в день столько, сколько многие зарабатывают за месяц. Когда у вас в жизни случится, к сожалению, что-то неприятное, будете говорить: “За что?” А вы вспомните, как не делали то, что положено, как крутили носами».

Дети на строгость не обижаются. Наоборот. Самой первой знаменитой моей ученице Венере Зариповой устраивали темные из-за того, что с ней я работала больше и жестче, чем с другими. Ревновали. «Вы же не любите, когда ругают», — сказала однажды им я и услышала: «Ругайте, кричите на нас. Пожалуйста, мы готовы».

Перед Олимпиадой в Рио-де-Жанейро я очень жестко разговаривала с тренерами, серьезно с ними конфликтовала. Программу Риты Мамун они начали упрощать. Подстраховывались, хотели, чтоб делала она только то, за что судьи баллы засчитают. А то, что связано с красотой, с образом, их не особенно волновало. Каждый день бочку катила, чтобы поняли: трусом быть нельзя. Страх —

самое плохое. Чувство, которое не дает преодолеть себя. Страх — это когда поджала хвост. Должна была распушить, а поджала. Вышла, но боялась.

— Три труса! Тренер — трус, хореограф — трус, гимнастка — трус, — говорила я. — С тремя трусами можно на Олимпиаду пробиться? Можно Олимпиаду выиграть?

— Ой, Ирина Александровна, для Риты это слишком сложно, а если получится не будет, а если уронит предмет?

— Пошли вон! Думаете, мне не страшно?

2

Есть такие стихи:

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить¹.

Иногда я переливаю свои слова в свинец и этим свинцом своих воспитанниц расстреливаю.

Моя первая олимпийская чемпионка Юлия Барсукова на вопрос: «А Ирина Александровна на вас кричит?» — ответила: «Да, кричит. Если выпросишь».

Одна за сутки на килограмм поправилась. Захожу в ее комнату — банка «Нутеллы» пустая стоит. Банку она

---

¹ В. С. Шефнер, стихотворение «Слова».

взяла и сожрала. Говорю: «Бери билет, освобождай территорию. Твое место на дискотеке!»

Я не люблю слез и знаю, что слезы человека унижают, расслабляют, выбивают из колеи. Очень трудно вернуться к исходному состоянию, если ты расплакалась, разрыдалась, тем более разыстерилась. Слезы допустимы только на пьедестале, когда поднимается флаг и звучит гимн. В остальных случаях это признак слабости.

Маргарита Мамун:

На тренировке перед первым моим чемпионатом Европы я не могла сделать ленту. С девяти утра работала. Мяч, обруч и булавы — нормально, четвертый вид — лента — никак не идет. Там, ближе к концу упражнения, был бросок, который требовал большой силы, а меня в лучшем случае хватало только до середины. Но не буду же говорить, что устала. Отвернусь, слезинку пущу и снова пытаюсь сделать.

Ирина Александровна понимала, что кошмар, что восемь вечера уже, но стояла на своем: «Или делаешь, или на чемпионат не едешь». Я не обедала, не полдничала, не ужинала. Врачи подносили витаминки всякие разные. В итоге сделала. «Видишь, — говорит, — получилось. А думала, что не можешь».

Яна Кудрявцева:

История, когда Ирина Александровна на меня и Риту Мамун кричала очень сильно, была на чемпионате мира в Киеве, в 2013 году. Женя Канаева с Дарьей Дмитриевой закончили выступать, поехали мы, новое поколение.

Вроде нормально все шло, ковер опробовали¹, тренировались. Ирина Александровна не паниковала, хотя представляю, какое у нее в душе неспокойствие было. Справимся мы — не справимся, подведем — не подведем.

Пригласила на завтрак. Ели сырники. Она такая добрая-предобрая, говорит: «Как приятно, когда дети худенькие кушают. Я вам никогда ничего не скажу, потому что проблем с весом у вас нет».

Вечером начали выступать и как-то не супер-хорошо выступали. Ирина Александровна орала так, что волонтеры разбежались. Вообще все люди разбежались. А утром говорила: «Ешьте-ешьте, мои худенькие девочки».

На следующем чемпионате на рыбу пригласила. Мы отказались сразу. Испытывала, наверное, нас.

---

¹ О п р о б о в а н и е — тестирование ковра до начала соревнований.

Люди, которые хотят быть настоящими, должны чем-то жертвовать. Жертва дает возможность понять, что ты сильный, ты можешь, у тебя получится. Чтобы быть в компании тех, на кого равняются, надо много трудиться, а значит, преодолевать себя. Преодолевать даже тогда, когда голос внутри говорит: «Преодолеешь, конечно, но зачем же прямо сейчас?»

Яна Кудрявцева:

Своей энергетикой Ирина Александровна воздействует на само пространство и на всех, кто в этом пространстве находится. Когда в зал входит женщина, скидывает шубу, за ней шубу кто-то из сопровождающих подбирает, это, согласитесь, впечатляет.

Таков ее статус. И у меня была суперответственность — работать с таким человеком.

Помню, как первый раз оказалась в Новогорске, как тряслись мои ноги, и прям страх какой-то вселяла эта женщина своей легендарностью. Со всеми так было. Соврут, если скажут, что по-другому.

Дина Аверина:

В зале никого: зима, декабрь и грипп какой-то. Все заболели. А мы с Аришей только приехали в Новогорск. Ирина Александровна входит, видит, что

ни души больше нет, говорит: «Ну, давайте буду вас тренировать». Мы обрадовались: «Вау, круто!» Смотрели дома видео, как она это делает, мечтали, что окажемся у нее.

Арина Аверина:

Первое время я очень боялась. Двигалась в тысячу раз быстрее, когда Ирина Александровна приходила. На самом дальнем ковре занималась, лишь бы она не увидела меня. Даже музыку не включала. Мало ли услышит, повернется в мою сторону, заметит ошибку и выгонит.

Марина Николаева:

У Винер надо много трудиться и, что бы ни происходило, оставаться в зале до конца. Она предупреждает: «Если выгоняю, сержусь, говорю: “Вон из зала!”, ты не должна это буквально понимать. Отойди в уголок и продолжай работать».

Маргарита Мамун:

В четырнадцать лет я приехала в Новогорск. Знала, что Винер строгая очень, переживала.

Когда она в зал вошла, ощущение было такое, что, трудно сравнение подобрать, будто ледяная королева явилась. Все затихли. Я тренировалась в сто-

ронке. Она посмотрела, сказала: «Красивая. И прыгаешь хорошо». Улыбнулась, расположила к себе.

Образ ледяной королевы Ирина Александровна создает для всех, но для нас она покровительница, которой мы доверяем, которая приручила нас.

3

Любовь к спорту привил мне отец. Через нелюбовь. Стойки, шпагаты и мостики давались мне со слезами. В детстве я часто болела. Простуды, ангины. Отец принялся закаливать меня. Приучил к обливаниям, обтираниям. Выгонял на снег, к ужасу бабушки и дедушки. Из больного ребенка сделал здорового.

Папа родился на Украине, в Кривом Роге, в простой семье. Его мать вышла замуж во второй раз и отправила сына к своим родителям в Полтаву. Папу вырастил дед. Крепкий, очень своеобразный мужик: еврей, а кушал сало, не был религиозным.

Папа занимался спортивной гимнастикой и рисованием. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт.

У него было две раны на левой руке. Эти раны не заживали. Он не любил вспоминать войну, но рассказывал мне, как три дня их часть форсировала Днепр

в районе Киева. У них был только сахар, и все три дня они питались этим сахаром и пили воду из реки. Потом его ранило.

Мама встретила папу, когда он был на лечении в госпитале в Самарканде. Познакомились на танцах в Доме офицеров. Папа вызвался проводить и весь путь до маминого дома пел — арии из репертуара Карузо. Голос был сильный, мама влюбилась.

После знакомства отец отправился учиться в Ленинград, в Академию художеств. Ни письма, никакой весточки не присылал. В Ленинграде жили мамыны тетки, он с ними общался. От них стало известно, что папа куда-то поехал. Зашел перед отъездом, объявил: «Мне здесь преподавателей нет». У него было свое видение искусства.

Мама стала разыскивать его с помощью нашего родственника-генерала. Генерал говорил: «Прекрасные офицеры у меня! Я тебе таких женихов дам!» Мама была красивая, могла выбирать, но каждый раз отвечала: «Нет!» Мамочка моя! Если любит, то навсегда! Если ненавидит, тоже навсегда. Генерал дал задание, и скоро в вагон поезда, в котором ехал отец, вошел военный: «Винер есть?!» Отец испугался, время было не самое лучшее. Его сняли с поезда и доставили в Самарканд.

Поженились мама и папа в сорок шестом. Их первый ребенок, сын, умер при родах. Еще через год родилась я, а через одиннадцать лет — мой брат Борис.

Когда мне было три месяца, папа решил переехать в Ташкент, столицу Узбекистана. Хотел в Москву, но мама работала и без помощи своих родителей обойтись не могла. Оставлять меня приходилось чуть ли не на весь день.

В Ташкенте папа купил старенький домик. Лет десять мы прожили в нем, ждали, пока художникам дадут участки земли. Дождались и начали строить дом с мастерской. Папа считал, что художник без мастерской — не художник.

Строительством в основном занималась мама. Доставала материалы, договаривалась с каменщиками, плотниками, малярами. И еще работала сверхурочно. Стройка требовала вложений. Дом получился большой: три комнаты и мастерская с окнами от пола до потолка. Над крышей отец сделал надстройку, которую соседи прозвали голубятней. Через «голубятню» солнечный свет приходил в мастерскую рассеянным, мягким.

Во дворе папа посадил орех, персик, яблони, сирень и розы. Устроил виноградник. С трех сторон вдоль забора стояли вишневые деревья. Весной все было белое, красивое.

В обязательном порядке папа привлекал меня к «сельхозработам». Я должна была полоть наш маленький огород, подвязывать помидоры, ухаживать за клубникой и кормить кур. Мне это не нравилось. Сопротивлялась, но делала.

Никогда отец не писал портретов чиновников. Только народ. Чабанов в высокогорных кишлаках, шахтеров, сталеваров, работниц шелкомотальных фабрик, хлопкоробов, строителей, председателей колхозов, сельских учителей и врачей. Ислам не разрешает изображать лиц, но отец написал много портретов. И мужчины, и женщины позировали ему. Он был у них свой человек.

Всю жизнь папа прожил среди простых людей. Потребности его были самые скромные: сухая лепешка, горячая вода с двумя веточками чая. Такая жизнь ему нравилась. Его уходы, отъезды длились месяцами, годами. Когда мама говорила, что хоть преподавателем надо пойти в институт или училище, он возражал: «Ты хочешь кандалы надеть на меня!» Маме было очень тяжело. Она шумела, открывала чемодан отца, поливала вещи водой. Он выжимал, складывал заново и уезжал.

У меня есть портрет совсем маленькой девочки, набросок, можно сказать. Два портрета мамы, тоже незавершенных. А портрета брата нет. Папа нас не писал, потому что был влюблен в народ.

И я не занималась своим сыном так, как занимаются другие. Он был сын сборной команды. Такая судьба. У каждого своя «дорога в дюнах».

Благодаря труду папа стал хорошим художником. Мечтаю построить в Ташкенте его галерею. Часть произведений лежит в хранилищах, часть украшает мой дом,

а что-то уже не отыскать. Бесследно исчезла картина «Фрукты на снегу». Помню, как отец написал ее. Ноябрь, плодородная теплая осень, и вдруг пошел снег. Огромные виноградные гроздья в нашем дворе под белыми хлопьями...

Папа экономил на всем, но на книги об искусстве денег не жалел. Микеланджело, Рембрандт, натюрморты голландцев, эскизы и чертежи Леонардо известны мне с самых ранних лет. Если я задавала вопросы, он объяснял, учил меня.

Мама работала постоянно. Вела прием в поликлинике, дежурила и оперировала в больнице, заведовала подростковым кабинетом. Всегда на нескольких ставках. Она бесконечно любила семью, а отец бесконечно любил искусство.

Бабушка и дедушка с маминой стороны жили с нами. Никогда не говорили они на повышенных тонах, никогда не было в их речи грубого слова. «Белочка, ну что ты, в самом деле?» — мог воскликнуть дедушка и слышал в ответ: «Зиновий, ты ничего не понимаешь!» Всё! До большего «накала страстей» дело не доходило. С первого дня и до последнего они любили друг друга. Не то что уважали или привыкли. Любили! Они были два ангела, которых я видела воочию, два человека, вместе идущие земным путем, — непростым, как у всех, и счастливым, как у немногих.

Бабушка говорила: «Я прожила сказочную жизнь». А что у нее была за жизнь? Война империалистическая — четырнадцатого года, революция в семнадцатом, Гражданская война, потом Великая Отечественная, тяжелое послевоенное время. Но сделала свое дело любовь.

Бабушка родилась на Украине, в богатой семье. Ее отец, Савелий Розин, купец первой гильдии, строил мосты через Днепр. Мать, Ита Розина, была, как принято говорить сегодня, домохозяйка. Все семь их детей — сын и шесть дочерей — получили самое лучшее образование. Девочки считались завидными невестами. Женихов было хоть отбавляй, все обеспеченные, с капиталом. Выбирай и выходи. Нет, к неудовольствию родителей, бабушка полюбила скрипача, очень бедного и очень красивого, выпускника знаменитой одесской школы профессора Столярского. Вместе с братом он снимал комнатку на чердаке дома, принадлежавшего бабушкиной семье.

Когда и как состоялось знакомство, история умалчивает, но о принятом решении бабушка объявила твердо, на уговоры не поддавалась и своего добила. Хотя в то время, если девушка из состоятельной семьи выходила замуж за музыканта — все равно что за сапожника или портного выходила.

Родились дочери Валентина и Зоя, моя тетья и моя мама. В доме было два рояля, чтобы ни споров, ни ссор, кому когда заниматься, не возникало. После работы дедушка играл на скрипке, Валечка и Зочка ему аккомпанировали. Дружба и любовь царили в семье.

В сорок первом началась война. Бабушка вспоминала, как город бомбили, как собирались в эвакуацию. Дедушка сомневался, надо ли уезжать. Кто-то распускал

слухи, что немцы не так уж страшны и жизнь в оккупации будет более или менее сносной. Но бабушка настояла.

Купили коня со странным именем Копчик, телегу, погрузили самое необходимое, тронулись в путь. Ночевали в полях, деревнях. День за днем, верста за верстой уходили от передовых частей наступающей немецкой армии, прятались от десанта. Добрались до Дагестана, попрощались с Копчиком, сели в поезд и отправились в спасительную Азию, в Узбекистан.

Оказались в Самарканде, обустроились и смогли дать дочерям возможность окончить дневное отделение медицинского института. Мама говорила, что учебников не было, и студенты записывали за преподавателями каждое слово. Лекции читали лучшие умы своего времени — профессора, эвакуированные из Ленинграда, Киева, Москвы. Конспекты получались похожими на романы, настолько интересно было по ним учить медицину.

Тетя и мама стали врачами, а бабушка и дедушка, когда родилась я, занялись уже моим воспитанием. Если на последней странице тетради я допускала ошибку, заставляли переписывать всю тетрадь. Делами по дому не отвлекали. Я должна была учиться, учиться и учиться. Читать, запоминать, пересказывать. В три с половиной года знала наизусть «Песнь о вещем Олеге». В четырнадцать — первые главы «Евгения Онегина». Бабушка окончила Высшие женские курсы в Киеве, уровень которых

по праву сравнивали с университетским. Требования ко мне были соответствующие.

В музеи и на спектакли водили почти каждые выходные. Одно из ярких воспоминаний детства — Большой театр Узбекистана имени Алишера Навои. Не только потому, что постановки поражали меня своим масштабом. Фойе было украшено резьбой по ганчу¹ на зеркале, знаменитым восточным декором. Я вела пальчиком по узору и думала: «Как красиво!» Лет пять мне было, наверное.

С третьего класса посещала балетный кружок во Дворце пионеров и через два года была принята в Ташкентское хореографическое училище. Как ни странно, бабушка этому не обрадовалась, сказала: «Балерин в семье не будет. Артист — это не профессия». Хотя замужем была за музыкантом и в том, что брак ее — счастье абсолютное, не усомнилась ни разу. Что плохого в профессии артиста, я не знала и знать не могла, а выяснять не стала. Мое доверие к бабушке не имело границ.

---

¹ Г а н ч — декоративный материал из смеси глины и гипса.

С художественной гимнастикой я познакомилась, когда занималась в балетном кружке и получила задание подготовиться к Новому году «танец пантеры». Танец не классический, но, по мнению педагогов, подходящий для городской елки как нельзя лучше. За помощью в постановке обратились в секцию художественной гимнастики, куда и направили меня на несколько занятий. Занятия понравились, бабушка дала понять, что к спорту относится благосклонно, и, несмотря на прощание с балетом, танец и музыка в моей жизни остались.

Первые тренировки проходили в школьном коридоре, доски которого блестели от того, что их протирали керосином: боролись с древесным жучком. Предметы высоко не подбрасывали, не позволял потолок. Фортепиано не было. Тренер считала: «Раз-два-три, два-два-три, три-два-три, четыре-два-три». Такой был счет удивительный.

К числу популярных видов спорта художественная гимнастика не относилась, но Советский Союз старался ее развивать. Первый мой тренер, Лилия Юрьевна Петрова, была из Ленинграда. По комсомольской линии ее направили в Узбекистан. Она научила меня «танцу пантеры», разглядела мои способности и довольно быстро прихватила в сборную команду. Я стала тренироваться со взрослыми гимнастками.

Потом приехала Элеонора Анатольевна Сумарокова — многократная чемпионка Ленинграда, специалист высочайшего класса и тоже представительница настоящей питерской школы. Она приучила меня к выразительности, к элементам, которые выразительность подчеркивают, к работе телом — волнам и взмахам. Мне повезло, что я была ее ученица.

Тренировались на полу волейбольного зала. Ковры появились позже и не такие, какие мы видим сейчас, упругие, амортизирующие, — но все-таки не так убивались.

Как ни странно, в нашу программу входили прыжки через планку. Самым трудным считался прыжок «щучка»: оттолкнувшись от мостика, надо было сложиться вперед — сделать складку, — выпрямиться в прогиб и приземлиться.

Кроме предметов, которые есть сегодня, был газовый шарф: его переводили из стороны в сторону, под-

брасывали, ловили за края. Были вымпелы — разноцветные флажки на металлических держателях, которые крутили, делали «мельницы». От вымпелов пошли булавы. Было упражнение без предмета — очень женственное — и упражнение с двумя лентами — эффектное, сложное.

Я трижды становилась чемпионкой Узбекистана. На всесоюзных соревнованиях высоких мест не занимала, но когда выступала, все бежали смотреть. Говорили: «Винер выступает! Станцует что-нибудь интересное!» И под «Чардаш» Монти я танцевала, и под романс Рубинштейна «Ночь».

6

Борис Винер:

Ира была девочка потрясающей красоты. Умница, отличница и очень хорошая сестра. Многому меня научила. Например, любить поэзию, выразительно читать стихи, понимать смысл произведений великих писателей.

У нас была большая библиотека. Папа собирал книги, и мы ходили отмечаться по утрам и вечерам, чтобы получить какое-то многотомное издание, стояли в долгих очередях.

Первым в моем перечне авторов был Пушкин. Любила и прозу его, и стихи. Не раз перечитывала «Дубровского», «Метель», «Пиковую даму», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Бахчисарайский фонтан». Очень нравился Золя. «Ругон-Маккаров» я прочла в седьмом и восьмом классах. Следила за тем, как переходили пороки из поколения в по-

коление, из романа в роман, и как эти пороки проявлялись в каждом из героев. Любила Чехова, Лондона, Мопассана, Некрасова, Крылова, Алексея Толстого, особенно роман «Аэлита», и сочинения Льва Толстого, его «Анна Каренина» поразила меня.

Учителя в моей школе были прекрасные. Многие из них оказались в Ташкенте в эвакуации. Запоминающиеся личности. Один восклицал: «Кто же кого придумал? Человек номенклатуру или номенклатура человека?» Другой, весьма пожилой, преподававший историю Древнего мира, прослезился, когда говорил о падении греческой цивилизации, так жаль ему было греков. Учительница русского языка не только объясняла правила, но и открывала нам мир, требуя вслушиваться в звучание слов, вдумываться в их происхождение и взаимосвязь. Сказала, что имя Иван происходит от еврейского Иоанн. Об Иоанне Крестителе, разумеется, промолчала — уволили бы, по понятным причинам, в тот же день.

Был ансамбль, который создали два красавчика из класса постарше. Как только начиналась перемена, они прибегали ко мне. Я была их идейным вдохновителем, хотя музыке не училась никогда. Консультировала по части репертуара и организовывала выступления. Все школы в округе стремились заполучить моих музыкантов на танцевальные вечера.

Как и все дети в Узбекистане, с восьмого класса уезжала на хлопок. На три месяца, с сентября. Ехала с радостью, возвращалась тоже с радостью: уборка хлопка — дело нелегкое. Нам давали фартук-мешок, мы надевали его на шею, завязывали на пояснице и отправлялись за «белым золотом» в казавшиеся бескрайними поля.

На ночлег возвращались уставшие, но спать не торопились, устраивали себе приключения. Помню, что на спор подходила к цепной собаке, которая могла меня разорвать, шла навстречу машине, несущейся в темноте с зажженными фарами по проселочной дороге, — машина приближалась, а я все равно шла.

И детство, и юность мои прошли в Ташкенте, щедром, теплом, интернациональном.

Застала время, когда некоторые женщины ходили в парандже. Застала примус. Очень интересный аппарат. Специальной иглой прочищали отверстие, из которого вырывалось пламя. На примусе мы готовили еду. Заливали керосин, поджигали.

Я росла среди тех, кто в годы войны дал кров незнакомым страдавшим людям. Гостеприимство и доброе отношение к обездоленным — в крови у узбекского народа. Узбеки приютили сотни тысяч беженцев, усыновили десятки тысяч осиротевших детей.

В начале шестидесятых на экраны Советского Союза вышел фильм «Ты не сирота», основанный на подлинной

истории семьи, принявшей четырнадцать мальчиков и девочек. Пересматриваю его до сих пор. Вспоминаю своих друзей, росших в приемных семьях, вспоминаю их родителей — любящих и любимых.

Съемки проходили в Ташкенте, я хотела сыграть и участвовала в пробах, к которым готовилась не один день. Выбрала стихотворение Некрасова «Плач детей», репетировала, волновалась. Была утверждена на роль, но письмо с приглашением от меня скрыли. Стезя актрисы оставалась запретной.

Были летние кинотеатры. Перед вечерним сеансом выступала певица, под пианино или оркестр небольшой. Очень здорово, из Москвы это пришло. Два фильма мне особенно врезались в память: «Ханка», названный по имени женщины, погибшей из-за любви, и «Илья Муромец», в котором хана играл узбекский артист Шукур Бурханов — красивый, сильный. Единственный портрет артиста, который написал мой отец, был портрет Бурханова.

Очень понравились «Тихий Дон» Сергея Герасимова с Элиной Быстрицкой и «Война и мир» с Одри Хепбёрн, сыгравшей именно ту Наташу, которую я себе представляла. Постановка «Войны и мира» Сергея Бондарчука мне по душе не пришлась, в отличие от его же «Судьбы человека».

В семнадцать лет играла в школьном театре, все еще хотела стать актрисой. Узнала, что Герасимов наби-

рает курс во ВГИК, начала готовиться, но оказалось, что экзамены состоятся раньше, чем я окончу школу, — на целый год.

Училась блестяще, шла на золотую медаль, а поступать по решению семейного совета должна была в медицинский институт. Работала прачкой в двух заводских санчастях, набирала стаж, чтобы идти вне конкурса, даже если медаль не дадут.

Литературу, историю и русский язык я любила. С геометрией, алгеброй, физикой справлялась — заставляла себя, но справлялась. Сложность была с узбекским языком, и не потому, что я ленилась. Однажды учитель узбекского, диктуя нам для перевода текст, произнес: «Вокруг пионерского лагеря протекала большая речушка». Говорю ему: «Суффиксы -ушк- и -юшк- уменьшительно-ласкательные. Речушка не может быть большой». Он усмехнулся: «А, вот так вот? Понятно». Обиделся. Предупредил экзаменационную комиссию: «Если Винер поставите пятерку, буду жаловаться в высшие инстанции». Поставили четверку, и я получила серебряную медаль.

Вне конкурса идти не могла, должна была сдать один экзамен, по профилирующему предмету, но только на пять. Профилирующим была химия. Сдала на четыре. Готовиться еще к трем экзаменам не захотела. Диплом и медаль отнесла в институт физкультуры. Медаль в при-

емной комиссии разглядывали долго и с явным интересом. Медалисты к ним не шли. Меня зачислили.

Борис Винер:

Проследить за экзаменами сестры родители не смогли. В то лето они повезли меня к морю, в Гурзуф. Мама негодовала. Она хотела, чтобы дочь была образованная, с дипломом медицинского института.

На третьем курсе поехала в Москву узнать, что нужно для поступления в аспирантуру. Родители считали, что я обязательно должна стать кандидатом наук, а в какой области знания, не так уж и важно. Мне рекомендовали подготовить исследовательскую работу. Вернулась в Ташкент, перешла на заочное отделение, набрала экспериментальную группу и стала измерять детям пульс, определять зависимость частоты сердцебиения от нагрузки. Ползания командовала: «Присесть-встать! Присесть-встать!» Но увидела, какие дети талантливые, как слушают музыку, как искренне стараются. Поняла, что теория и диссертация — ерунда в сравнении с тем, что они могут делать. «Суша, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет!»¹ — стала тренером.

---

¹ И. В. Гёте, трагедия «Фауст», пер. Н. А. Холодковского.

Я очень хотела девочку. И до сих пор вижу эту девочку. Голубые глаза, кудрявые волосы до плеч, синее платье, белый кружевной воротник. Мечтала, что она будет со мной в зале.

Родился сын. Сказала: «Сын?! Не нужен мне сын. Не стану фигуру из-за мальчика портить». А он как-то это услышал, младенец, и отвернулся от груди, когда его принесли. Я расстроилась ужасно. Подумала, что зная он меня не захочет и кушать то, что ему кушать положено, не станет. Так поняла, что я мама, а мальчик или девочка у меня, не имеет никакого значения.

Вышла замуж сразу после института. Все вокруг были тупые. Ни литературы не знали, ни музыки. Ничего не знали, что знала я. Но надо было выйти когда-нибудь. Он был тренер волейбольной команды. Начиная шуметь, что ребенок маленький, а я на работу хожу. Один раз дверь закрыл. Я взяла телефон и как звезданула! Хорошо,

не попала в голову. Телефон разбился на кусочки. Ушла. В одном, как говорится, галстуке. И с сыном.

Я смелая, Лев по гороскопу. В восемнадцать лет мне попалась книга «Рожденная свободной» знаменитой натуралистки Джой Адамсон. Она жила среди львов, наблюдала за ними и пришла к выводу, что львы очень свободолюбивы. Я провела параллель и поняла, что тоже свободолюбива, но главное — рождена свободной. Никогда не позволю, чтобы мной кто-то управлял, и не стану делать того, что противоречит моим принципам.

Антон Винер:

Ирина Александровна всегда жестко реагирует на попытки ограничить ее свободу. Мы именно ушли, не пришлось даже куда-то ехать. В двухстах метрах был пятиэтажный дом, где в однокомнатной квартире жила мамина бабушка.

Первый дизайнерский опыт Ирины Александровны состоялся в той квартире. Она сделала очень креативный ремонт. Лоджию, которая выходила на улицу, застеклила и превратила в спальню. Стену украсила фотографиями из модных журналов, ты как будто оказывался в обществе моделей семидесятых годов, это было круто. Вторая лоджия, тоже застекленная и оформленная мамой, выходила

в сад, в ней стояли мои кровать и письменный стол. Площадь каждой из лоджий была метров семь, комнаты — метров восемнадцать.

Я много работала. До восьми лет Антона воспитывала моя бабушка. Все лучшее, что в нем есть, от нее. Когда бабушки не стало, за ним ухаживала наша соседка, тетя Таня. Варила ему украинский борщ, укладывала спать. Тетя Таня была очень близким нам человеком.

Антон Винер:

Ирину Александровну я видел редко. Моменты, когда мама приезжала домой, были для меня моментами абсолютного счастья. Я страдал во время ее командировок, плакал, рыдал. Тетя Таня успокаивала, собирала в школу, кормила.

Учиться я не любил и ходил отнюдь не на каждый урок. К тому же рядом был знаменитый ташкентский Алайский базар. Я частенько выбирал базар. Или какой-нибудь фильм в кинотеатре. Часами мог находиться в магазине фототоваров. Когда Ирина Александровна заглядывала в школу, а это случалось, если я забывал оставить ключи, она обнаруживала, что меня там нет. Ей говорили: «Антон уже две недели болеет». Много раз писал обещание директору, что исправлюсь.